

Последние времена

бы у меня было ружье, – Сорокин нервно говорил и ходил по комнате взад-вперед. – Нет, лучше пулемет! Огнемет! Я бы уничтожал их всех, я бы сжигал их огнем.

К смущению и растерянности Данилова прибавился страх.

– Кого? – спросил он тихо.

– Меня ограбили, – сообщил Сорокин. – Впрочем, это уже не ограбление, а разбой! Они – разбойники!

Он схватил Председателя за руку и потащил в соседнюю комнату. Здесь словно Мамай прошел. Окно было выломано с рамой и валялось на полу среди битого стекла. Железная кровать лежала на боку, сверху был брошен полосатый матрац. Данилов смотрел на все это глупо и потрясенно.

– Это какая же сила должна быть? Медвежья.

– Дверь была открыта, вы понимаете, дверь была открыта, утром я побежал к вам и забыл закрыть ее, они могли бы войти в дверь, но вместо этого, – Сорокин захлебывался словами. – Это уже не просто разбой. Это акция устрашения! Они нас запугивают!

– Кто? – по внешнему виду Данилова было видно, что лично его уже запугали.

Сорокин оставил вопрос без ответа.

– И еще ясно, что они готовятся к зиме. У вас пропали зимние вещи, у меня ватное одеяло и две подушки. Но зачем им зимой велосипед?

– Какой велосипед? – шепотом спросил Данилов.

– Мой! Мой велосипед! Он висел здесь, на стене, видите? Велосипед взяли, а нас оставили.

Данилов хотел нагнуться, чтобы поднять насос, но Сорокин схватил его за плечо.

– Не трогайте! Отпечатки пальцев.

В ожидании Зарокова они устроились в крохотной соседней комнатке, где был диван, на котором спал Сорокин, множество книг на полках да маленький столик. Хозяин дома порезал на тарелочке лимон и теперь наливал в маленькие металлические рюмки коньяк из металлической же фляжки.

– Это настоящий армянский. Сейчас такого нет – одни подделки. Я хранил его двадцать четыре года для какого-нибудь торжественного случая, – объяснял Сорокин.

– А ты ко мне всегда теперь на вы будешь обращаться? – спросил Данилов, с трудом удерживая рюмку в руке.

– На вы? – удивился Сорокин. – Просто мне так было легче. – Он поднял рюмку.

– Как говорится: не было бы счастья, да вот – несчастье...

Председатель вылил коньяк на язык, почмокал и с интересом посмотрел на фляжку. Но тут же взгляд его привлекла стоящая на столе фотография в раме. С нее смотрела молодая красивая женщина, и Данилов не сразу узнал в ней Александру Ивановну Потапову, бабу Шуру. Он удивленно посмотрел на соседа. Сорокин смущенно улыбнулся, растерянно развел руками, потер нос.

– В общем-то днем я ее прячу, ставлю только на ночь, а сегодня забыл. Такой день. Но ведь вы, то есть ты, ты – умеешь... Умеете хранить тайны?

Председатель посмотрел на фото.

– Да если б и не умел, кому бы стал рассказывать.

– Простая история, – заговорил Сорокин и вдруг вскочил, как белый офицер в присутствии дамы. – Люблю! Да, люблю! У нас это слово не в почете, у нас говорят: “Сошлись”. “Сошлись и живут”. Ну, а я – люблю! Люблю! Люблю! Люблю!

Председатель смущенно улыбнулся.

– Ты когда про коньяк сказал: “Для торжественного случая берегу”, я подумал: Какой такой случай может быть в наши годы? Поминки собственные разве? А ты...

– Да, я не теряю надежды. – Виктор Николаевич сел, встал и снова сел. – Знаешь, что сказал Ларош Фуко? “Старость страшна не тем, что старшеешь, а тем, что остаешься молодым”. Да, мне давно не снится нарядная обезьяна, но разве это главное? Я подарю ей весь мир! – Сорокин указал рукой на свои книги.

Председатель вздохнул, поглядел на часы и проговорил устало:

– Что-то Зароков не едет.

Сорокин взялся за фляжку.

– Может, еще по одной?

– Да нет, ты уж дальше береги для торжественного случая.

Председатель поднялся и вдруг услышал в соседней разгромленной комнате осторожные шаги. Кто-то там ходил по битому стеклу. И не один, а по меньшей мере двое. Данилов и Сорокин переглянулись и, вслушиваясь в приближающиеся за закрытой дверью шаги, попятись. Кто-то там взялся за ручку двери и медленно потянул на себя. Данилов и Сорокин одновременно ткнулись спинами в книжные полки и остановились. Глянув по сторонам, Егорыч схватил с подоконника цветок в горшке, решив применить его как оружие. Виктор Николаевич последовал его примеру – цапнул томик Чехова и приготовился защищаться.

Невыносимо и угрожающе скрипя, дверь отворилась. На пороге стояла Тося-почтальонка и держала за руку сыночка. В другой руке Афони был небольшой узелок, как видно, с парой белья и сухарями. И мыть, и сын заискивающе улыбались.

– Слышали – ограбили вас. Ну, мы уж сами решили прийти, – объяснила Тося.

Данилов и Сорокин озадаченно переглянулись.

Вообще, в течение всего второго дня малоивановцы озадачивались неоднократно. Например, все та же почтальонка Тося со своей почтальонской сумкой на животе видела на другом конце одичавшего колхозного поля как бы свое подобие, тоже с сумкой на животе. К тому же Тосино подобие прыгало и здорово прыгало.

Как примерно в то же время озадачился Сашка Мякиш. Он правил своей лошадкой, единственной, кстати, в Малых Иванах, и дорогу ему пересекли две очень красивые и чрезвычайно полосатые лошади. Если бы в окрестностях Малых Иванов водились зебры, Мякиш уверенно мог бы сказать, что это они и есть. Но о каких зебрах может идти речь в Малых Иванах? Вот Мякиш и озадачился.

Уже ближе к обеду озадачилась продавщица Катя, сзывавшая своих разбредшихся пеструшек.

– Ту-ту-ту, – призывала их Катя. (Почему-то именно так она звала своих кур). – Ту-ту-ту! – И вдруг увидела недалеко курицу, более крупную, чем ее плимутроки, раз, наверное, в сто. Гигантская курица прислушивалась – не ее ли это зовут? И Катя, конечно, на всякий случай замолчала. И вот что интересно! Никто из троих: ни Тося, ни Катя, ни Мякиш – никто из них не сказал в деревне об увиденном. И даже не потому, что боялись, мол, не поверят, а просто почему-то не хотелось.